

«НЕ СМОГ БЫ И Н А Ч Е»

О Н НЕ принадлежит к баловням судьбы. Актерская звезда его не взлетала внезапно и стремительно (чтобы потом, как это нередко бывает, столь же стремительно и внезапно упасть), а поднималась медленно, постепенно набирая высоту. На этой дороге к мастерству не было случайностей или каких-то благоприятных стечений обстоятельств. Только труд и опыт. Будучи от природы человеком удивительно скромным, деликатным и доброжелательным, он никогда не позволял себе торопить события, выставлять себя напоказ, требовать от жизни даров, которых, может быть, и заслуживал, но не получал тогда, когда хотелось бы.

Любовь к театру, к искусству развилась в нем с детства. Возможно, в этом какую-то, хоть и косвенную, роль сыграла мама, с увлечением поющая в самодеятельном хоре...

Закончив десятилетку, **Вадим Грозев** поступает в студию при Московском театре имени Ленсовета (театром — и студией тоже — руководил К. А. Зубов, впоследствии народный артист СССР, главный режиссер Малого театра). С 1939 года Грозев — актер театра им. Ленсовета, вскоре по комсомольскому призыву он вместе с другими молодыми артистами едет на Дальний Восток. Там Вадим Григорьевич проработал девять лет. А в 1949 году приехал в Брянск, и с тех пор постоянно трудится здесь.

Первое выступление на брянской сцене — Леонид Борисович в пьесе Афиногенова «Машенька». Большой честью для актера явилась предложенная ему вскоре роль Володи Ульянова в «Семье» Попова.

В 1953 году В. Грозев блестяще сыграл Хлестакова в гоголевском «Ревизо-

ре». Ставил спектакль Б. Эрин — это была его дипломная работа. Старожилы Брянска до сих пор помнят Хлестакова-Грозева. У заслуженного деятеля искусств БССР Б. Эрина сохранился уникальный фотоальбом, где «Ревизор» Брянского театра «за-стопкадрирован» в более чем двух сотнях снимков. Фотограф, специально для этого приехавший из Москвы, снял весь спектакль из зрительного зала, непосредственно во

много нервная, пестрая, с быстрыми ритмами, с огромным ворохом бытовых забот. А еще есть в ней любовь. Как она проходит через испытание будничностью, умирает ли или остается жить? В брянском спектакле лирическая тема, которая должна была бы стать ведущей, звучит приглушенно, отдаленно. И встают вопросы, кто плохой, а кто хороший, кто поступил так или не так. Но вот появляется герой Грозева. Незаметный, скромный человек. Небольшая зарплата, семья, ежедневная работа. Что еще у него? Может быть, книги — увлечение с юности. А еще... Когда он говорит, слова его простые, но в них — восхищение. Чудом любви. В них счастье и огромная тревога: никогда не потерять бы это чувство и близкого тебе человека. Слова эти так проникновенны, что герой Грозева оказывается чуть ли не единственным в спектакле, кто «рискует» в полную силу души говорить о любви, и только о любви, без оговорок на обстоятельства быта.

В «Банкроте» — совершенно другой Грозев. Мастер острейшего сатирического гротеска. Его Сысой Псоич Рисположенский — поистине достижение сценического искусства. Отталкивающее жалкий, никчемный человечиска, готовый на любое мошенство, лишь бы перепала за это «рюмочка водочки». Ничтожество без чести, без уважений, однако с претензией на достоинство, на благородное воспитание. Смотреть на него не просто смешно. Противно, больно и страшно: до какого же зловония может разложиться в определенных условиях душа человеческая!

Сложно определить амплуа этого актера: широкий исполнительский диапазон. Но всюду, в любой роли — лирической, характерной, сатирической — совершенно очевидна исходная точка его творчества: доброта. Он отталкивается от добра. «Больше всего люблю играть добрых людей. Наверное, поэтому особую нежность питаю именно к таким ролям».

Вчера заслуженному артисту РСФСР В. Г. Грозеву исполнилось 60. Сорок из них он на сцене. Сейчас готовится новую роль — в комедии Рацера и Константинова «Ход конем».

А еще — общественные хлопоты. Многие годы Грозев неизменно избирается в местный комитет профсоюза, проводит в своем коллективе подписку на газеты и журналы. С удовольствием сотрудничает на телевидении, на радио.

Чем вызваны эти внештатные, так сказать, обязанности? Видимо, тем, что общаться с Вадимом Григорьевичем в любом деле легко и приятно.

— Нельзя сказать, что я в жизни особенно везуч. Бывали порою такие неладья, что хотелось бросить все, уйти из театра. Навсегда. Но... не получалось. Не смог бы жить иначе.

Так сказал он мне на прощание.

И. ЯКОВЛЕВА.

время представления.

Не раз «встречался» Вадим Григорьевич с Грибоедовым в «Горе от ума». И «мельком» (господин Н.), и «на высшем уровне» (Чацкий). Кстати, скоро мы снова увидим его в этом спектакле. На сей раз Грозев играет Загорецкого.

Потом было много ролей. Чаще, увы, эпизодических, но каждая из них запоминалась зрителю — будь то трубач из «Егора Булычова» Горького или схимник из «Смерти Иоанна Грозного» А. К. Толстого, планный немец из «Эха Брянского леса» С. Шарова или (особенно любимый актером) царь Горох в «Сказе о скоморохе и царе Горохе» Успенского... Яркий рисунок, точный социальный прицел — вот что заставляет нашу память прочно удерживать в себе эти грозевские образы.

В последние годы Вадим Григорьевич сыграл целый ряд крупных персонажей. Любопытно, что все они — из комедий: Новосельцев («Служивцы») Рязанова и Брагинского), Пишта («Прощись и пой» Дьярфаша), Бабочкин («Операция «Многоженец» Делендика), отец Алеши («Муж и жена снимают комнату» Рощина), Рисположенский («Банкрот» А. Островского), Фернандо Бальбоа (трагикомедия Кассона «Дерева умирают стоя»). Однако последние три стоят в творчестве актера особняком. Сказать, что они комические, — значит, погрешить против правды.

Вот отец Алеши. Здесь Грозев — лирик. На сцене жизнь сегодняшняя — не-